

В Салониках дали свет

В Греции показывают одну из лучших в мире коллекций супрематизма

ВЫСТАВКА авангард

В Музее современного искусства в Салониках открылась выставка «Свет и цвет в русском авангарде», до этого показанная в Вене и Берлине. Теперь 300 работ из коллекции легендарного Георгия Костяки вернулись по месту «прописки» — в конце 1990-х они были приобретены греческим правительством специально для музея в Салониках. Рассказывает КИРА ДОЛИНИНА.

«Цвет» обыгран в экспозиции буквально: выставка построена по колористическому принципу, работы расположены по доминирующему в них цвету — от черного до белого. «Свет» — понятие более субъективное, но здесь и оно приобретает очевидные коннотации: на выставке собран весь свет и весь цвет русского авангарда. 23 художника, среди которых Василий Кандинский, Казимир Малевич, Александр Родченко, Владимир Татлин, Павел Филонов, Надежда Удальцова, Алексан-

дра Экстер, Эль Лисицкий, Любовь Попова, Владимир Маяковский, Алексей Крученых и выделенные здесь особо Иван Клыон и Густав Клуцис. Все они, по замыслу кураторов, подведены под термин «супрематизм». Список, прямо скажем, не очевидный, но от этого выставка только выигрывает — это уже не столько страстное перечисление (смотрите, какие у нас есть шедевры!), сколько оригинальная интерпретация обретенных музеем сокровищ.

Сокровища действительно удивительные. «Греческая» часть собрания Георгия Костяки составила более 1200 произведений, большинство из которых — самого что ни на есть первого ряда. Если даже забыть о том, что есть еще «советская» часть коллекции, находящаяся в Третьяковской галерее, то все равно масштабы уникальные. При этом коллекцию Костяки отличает еще вожаденная сегодня чистота происхождения вещей: в те времена, когда собирал Костяки (1940–1970-е годы), подделки

русского авангарда в России еще не ходили — хлопот много, а рынка сбыта почти никакого.

Специалисты называют биографию Костяки-коллекционера выдающейся даже среди его коллег по цеху собирателей авангарда, коих в XX веке было немало. Сын московского грека-торговца, Георгий Костяки не получил никакого образования. Он родился в 1913-м, в 19 лет женился, да и вообще не до того было. Совершенно обрусевший, но по паспорту грек, Костяки быстро понял, где могут не тронуть. Пока другие члены его семьи один за другим исчезали в лагерях, он служил шофером сначала в греческом посольстве, потом в финском, а потом в канадском. Администратором у канадцев он работал почти до самого своего отъезда. Коллекционировать он начал как вполне добропорядочный гражданин — водил иностранных дипломатов по антиварам и комиссиям, смотрел, учился и начал потихоньку прикупать малых голландцев.

Русский авангард знать не знал, пока случайно, в первый послевоенный год, не увидел картину ни ему, ни кому другому тогда не известной Ольги Розановой. Сам Костяки в своих воспоминаниях пишет о том, что это был «глас Божий». Стоит поверить старому хитрецу — угадать истинную (хоть художественную, хоть материальную) ценность этой и подобной ей вещей тогда можно было обладая сверхъестественным чутьем. У Костяки оно открылось. Дальше все как в хорошем детективе — страсть охотника, развивающаяся по нарастающей, заставляющая «больного» авангардом попольского работника лазать по закоулкам грязных квартир и сознания страстно желавших забыть об этом искусстве потомков и свидетелей. «Мой отец отыскивал шедевры в самых невероятных местах: в шкафах, под кроватями, в старых чемоданах, в подвалах и на чердаках; он снимал их с кон в сараях, где они служили защитой от дож-

дя», — вспоминает сегодня его дочь Алики Костяки. И она ни на йоту не приукрашивает — Любовь Попову можно было тогда получить, обменяв чистую фанеру на «испачканную» красками, да еще быть усыпанным благодарностями счастливо избавившегося от старой фанерки владельца.

Однако такое искусство в те времена было опасным. На Костяки «наехали» по полной программе — квартиру сначала подожгли (погибла значительная часть коллекции), потом обворовали (увели Кандинского, Клыона, Никритина), а затем, в 1977-м, и вовсе вывели семью на историческую родину. Семья сочла, что счастливо отделалась. То, что перед отъездом Георгий Костяки отдал (откупился?) Третьяковке, ему следовало забыть. То, что увез с собой, он хранил и лелеял, немного продавал, много выставлял. Он умер в 1990-м, а в 1998-м Греция начала переговоры с его наследниками о продаже всей коллекции.

Музей современного искусства в Салониках распоряжается этим собранием экономно. Некоторые вещи вошли в постоянную экспозицию, всю колоду тасуют для путешествующих выставок («Свет и цвет» только одна из них, были еще «Искусство и утопия», «Икона в русском авангарде», собирались персональные экспозиции Марка Шагала и Соломона Никритина). При этом Салоники не претендуют на «право первой ночи» — концептуальные проекты делаются для крупнейших игроков музейного мира. Так, премьера «Света и цвета» состоялась в ноябре 2004-го в «Мартин Гропиус Бау» в Берлине, потом выставка отработала свое в Музее современного искусства в Вене. Сегодня она вернулась домой. А уже завтра те же вещи могут оказаться на выставке, рассказывающей о русском авангарде совсем другую историю. Такой бурной жизнью своих подопечных Костяки наверняка был бы доволен.

Коммерсант 2 2005 - 2 сент - С. 13

Георгий Костяки

02.09.05

12